

Ольга Чемерская

Атлантида

(В поисках истины)

12+

Ольга Чемерская

**Атлантида. В поисках истины.
Книга первая. Начало**

«Автор»

2020

Чемерская О. В.

Атлантида. В поисках истины. Книга первая. Начало /
О. В. Чемерская — «Автор», 2020

Фантастический роман «Атлантида. В поисках истины» повествует об истории Атлантиды – Института Времени сотрудники которого попали в далекое прошлое и создали историю человечества сами того не желая. Как это случилось, тайны и загадки человечества которые им открылись можно узнать прочитав эту историю до конца.

© Чемерская О. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Книга первая. Начало	5
Введение	5
Глава первая. Вперёд в прошлое	7
Глава вторая. Немного о мире	11
Глава третья. Планы и герои	14
Глава четвертая. Он и Вероника	19
Глава пятая. Охотники	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ольга Чемерская

Атлантида. В поисках истины.

Книга первая. Начало

Книга первая. Начало

Введение

– Здравствуйте, Георгий. Сейчас, накануне четвертого тысячелетия нашей эры весь мир узнал о том, что испытания наконец-то прошли успешно, и сейчас совсем немного событий отделяет человечество от путешествий во времени. наших читателей волнует вопрос: что движет вами на пути к заветной цели? Вас все ещё не покидает прежняя идея – своими глазами увидеть и услышать Христа?»

– На карте истории самые большие провалы и белые пятна, глобально, имеют место только в трёх категориях: загадкой остаётся происхождение человечества, вопрос о существовании легендарных континентов, которые якобы уже в древности владели технологиями – Гипербореи, Му, всё той же Атлантиды. Многие генетики задаются вопросом существовали ли на самом деле химеры в Древней Греции. Полу-люди, полу-животные: кентавры, горгоны...

– Русалки?

– Да. Русалки. Дети Ехидны и Тифона. Анунаки в Ассирии.

Репортёрша захихикала.

– Да, да. Не смейтесь! Для кого-то это очень важно – установить происхождение человека от высшей инопланетной расы. В прошлом множество неразгаданных тайн. И... да, я считаю, что из всех загадок тайна, которая дольше остальных занимает умы человечества – существовал ли на самом деле Христос.

– Видимо, сейчас уже стоит говорить «занимала»? Уже лет сто как интерес к религии практически угас. Вы, Георгий, настолько старомодны или всё-таки искренне верите, что старые традиции могут вернуться?

– Трудно сказать, по какому пути пойдет человечество, но в сложные периоды истории вера в Бога как защитника возобновляется с новой силой. Когда нет надёжной опоры, человек стремится отыскать её хотя бы в своём воображении. Да и ответ на вопрос, в чём смысл жизни, так до сих пор и не найден. А он напрямую касается вопроса существования Бога. Если Бога нет как создателя, то и в нашей жизни тоже нет никакого особого смысла, – грустно рассмеялся Георгий. – Только он мог вложить в неё какой-то особый смысл.

Репортёр уточнила:

– Значит, по вашему мнению, тайна происхождения человека и отсутствие одного глобального для всех смысла жизни – главная проблема человечества?

– Когда мы вырастем, приходится самим искать смысл своего существования и доказывать самим себе необходимость жить, двигаться вперёд. Особенно часто этот вопрос возникает у людей с тонкой душевной организацией, склонных к прокрастинации и желанию всё драматизировать. А таких я вам скажу немало! Среди них много подростков. У них периодически появляются вопросы: «Зачем всё это нужно? С какой стати страдать, преодолевать трудности и чего-то добиваться?» Спрашивают и не всегда находят ответ. Скажем прямо – никогда. Именно среди подростков наибольшее количество самоубийств. Так было всегда, когда смысл существования оказывался потерян.

Если Христос существовал, существовали и ответы. Именно их он дал своим ученикам, первым апостолам. Именно их – ответы, в последствии утратило человечество, потеряв вновь найденный смысл существования. Я хочу подсмотреть, подслушать и услышать собственными ушами всё, что говорил этот человек. Или Бог?

– Значит, Георгий, главной целью ваших поисков, по сути, является установление истины от первого лица? Или всё же это поиск самого Бога? Вы меня сейчас запутали, – засмеялась женщина.

Георгий смущённо улыбнулся:

– По правде говоря, в данном контексте именно Бог является носителем истины. Существование Бога или же его отсутствие. Я мечтал увидеть собственными глазами и понять, был ли он тем самым, из-за которого ломали копья три тысячелетия. Что он говорил своим ученикам? Какие тайные знания им внушал. Почему они смогли поверить в него? Как заговорили на всех языках? Как могли творить чудеса? Исцелять и воскрешать мертвых! Знания, которые потеряла церковь. Тайные знания о мире, о Боге и о человеке. Знания, без которых, возможно, мы никогда не сможем понять смысл жизни! – с печальной улыбкой на лице закончил он.

– Похоже, Вам недостаточно верить. Вы как Фома, который тоже не мог просто верить: он хотел доказательств!

– Да. И если вы помните, Иисус не выгнал его, не исключил из числа апостолов. Он с радостью предоставил ему доказательства.

– И напоследок один из самых главных вопросов о вашем исследовании. Есть ли надежда на серьёзные подвижки в ближайшем будущем? Ведь пока выход в прошлое составляет не более двух-трёх минут. Так?

– Сейчас проблема состоит не в том, как попасть в прошлое, а в том, как из него вернуться. Пока наша установка работает по принципу бумеранга. Отсюда и время. Зашёл-вышел. Как оставить портал открытым для возвращения? Не хватает, казалось бы, какой-то мелочи, некоей «частицы Бога». Ещё один «бозон». Одна капля, одна мысль, которая вертится в голове, да никак не найдет выхода, – снова улыбнулся он.

– Спасибо за то, что уделите нам время, Георгий Маркович. Я желаю вам удачи! Мы все, всё человечество, будем надеяться, что у вас получится, и вы узнаете истину от первого лица!

– Спасибо.

Глава первая. Вперёд в прошлое

Утро было туманным, сумрачным и довольно неприветливым, добавляя к общему раздраю, лишний градус разочарования. После бессонной ночи Георгий поднялся на террасу первого этажа из своего «глубокого подземелья» подышать свежим утренним воздухом. Голова пухла от расчётов и размышлений: почему? почему эксперимент очередной раз провалился? что пошло не так?

Погруженный в себя, он хмурился, сжимал губы, иногда даже имитировал бросок ядра руками, выплескивая наружу сгустки отрицательных энергий. Высокий, хорошо сложенный, с отпущенной чёлкой, в белом свитере и вельветовых джинсах цвета хаки, Георгий напоминал скорее модель, вышедшую из душной студии, чтобы выпустить пар и охладиться.

Он бродил по террасе, опоясывающей огромную территорию Института Времени, почти в два раза превышающую площадь Ватикана, пока не вышел на северную сторону острова на которой он находился. В лицо дул прохладный, почти неуловимый по силе, бриз и ничто внешнее не отвлекало от внутренней тяжелой работы. А было бы неплохо сейчас переключиться. Утренние прогулки в длинных, наполненных глубокими тенями анфиладах часто были очень продуктивны для переосмысления идей и поиска новых решений. Он выходил таким образом из мозгового ступора. Во время прогулок его мысли становились хаотичными, как движения электронов, и бывало, что среди этого хаоса искровым разрядом вдруг вспыхивало нужное решение – эврика!

Кто-то из гениев, помнится, часами сидел в ванной, поедая яблоки. Стравинский стоял на голове, а знаменитый Накамацу задерживал дыхание под водой, вызывая смерть мозга. Правда, в последние секунды выныривал, и мозг, получая львиную дозу кислорода, прозревал, в награду за спасение рождая очередную гениальную идею.

Георгию бывало достаточно часовой прогулки в тишине утренней Атлантиды. Свежий морской воздух обычно проникал во все клеточки и насыщал жизнью застоявшуюся кровь. Но не сегодня. Сегодня всё изначально пошло не так. Вдалеке слышался прибой, редкие крики чаек... Он не сразу заметил, что вот уже некоторое время двигается в мутной дымке. Не по чистой поверхности тротуара, вымощенного розовым мрамором, а по некоей рыхлой субстанции, внешне чем-то напоминающей снег. «Снег» падающий с неба большими серыми хлопьями.

Георгий шёл, низко наклонив голову, руки были сложены в замок за спиной, и некоторое время не замечал снег. Шагал он широко и размерено, подкидывая этот «снег» носками своих до блеска начищенных ботинок. «Снег» взлетал над землей и медленно паря, опускался обратно на тротуар. Это действие было столь завораживающим, что вскоре мысли его всецело захватили серые хлопья, превращая прогулку в некую игру, от которой он получал как минимум, эстетическое удовольствие. Только через пять, а то и десять минут его мозг заинтересовался, наконец, происхождением этой пушистой серой массы. Учёный поднял взгляд в небо. Туман стоял плотный, и «снег» неумолимо падал с неба. Ещё пару минут он изучал его: брал в руки серые хлопья, нюхал, оглядывался, растирал эту субстанцию, пока и нос, и пальцы рук не почернели. Тогда он отряхнул руки и быстрыми шагами отправился назад в лабораторию.

Уже в семь часов утра в лаборатории обрывались все телефоны внутренней связи, хотя рабочий день начинался только в девять. Он понял, что причиной этого беспокойства стал «снег» и готовился заранее: снял свитер, футболку и джинсы, пропахшие гарью, надел чистую рубашку, костюм и, разминая плечевой пояс, как перед боем, настраивался морально и физически. Хорошая форма сейчас и уверенность в себе ему ой как не помешают. Сегодня был

воистину знаменательный день – день триумфа... Ну или день провала: одно из двух. Георгий ещё не решил окончательно, поэтому безумно волновался.

Ректор Института Времени Клаус Густав Вебер собственной персоной позвонил и пригласил его в Большой зал обсерватории. За пять минут туда не добраться. Необходимо было преодолеть путь в несколько длинных переходов между корпусами и подняться на пятнадцать этажей вверх.

Георгий намеренно не использовал гироскутеры и лифты. Ему нужно было немного времени, чтобы «обмозговать» свой ответ. Час назад он несколько раз проверил показания приборов, посетил все контрольные пункты, где когда-то находились независимые датчики времени. И теперь он, обходя стороной эскалаторы, поднимался по лестнице пешком: преобразая информацию в своей голове из нагромождения разрозненных фактов в логичный и понятный алгоритм. Он сопоставлял знания о произошедшем вчера и сегодня, пытаясь систематизировать все полученные сведения.

Вскоре цель его пути была достигнута. Он подходил к двери Большого зала обсерватории, который помимо Главного зала, часто использовался для встреч ректората. Здесь легко дышалось, и стены не давили мегалитической мощью. А всё потому, что потолок, он же купол обсерватории, высоко парил над головой. А пространство между опорами было остекленным. Обсерватория находилась в верхней части храма Посейдона. Естественно, внешний вид здания только напоминал собой греческий храм. Внутри он представлял собой вполне современное организованное пространство. Институт, по задумке проектировщиков, должен был иметь внешнее сходство с Атлантидой Платона...

За дверью стоял шум голосов, перебивающих друг друга, спорящих и срывающихся до крика. Георгий приоткрыл дверь. В зале сидели только мэтры. Старые профессора и доценты, которые рано встают и никогда не могут сойтись во мнениях. Большинство сотрудников ректората отсутствовало. А те кто сидел в зале в большинстве своём имели совершенно иной статус.

«Видимо в силу возраста им не спалось, и, выглянув в окно, они увидели то же, что и я... – подумал Георгий. – Но они понимают происходящее ещё хуже меня и ещё меньше, чем я, будут обрадованы ответом на свои вопросы. Даже я пока не знаю: огорчаться или радоваться?»

Огромные панорамные окна зала демонстрировали всё тот же серый безрадостный пейзаж, что и ранее. Это завораживало и пугало одновременно. «Что скрывается там, за туманом?» – взволновано подумал Георгий и вошёл. Массивные двери высотой в два человеческих роста скрипнули, и все присутствующие одновременно повернулись в его сторону. Учёный моментально почувствовал себя школяром, на которого внезапно свалилось давящее бремя ответственности. Так было во время отдыха в Артеке, где его впервые в жизни ни с того не с сего назначили командиром отряда. Да, он был руководителем проекта на исследовательской установке «МВР3990» ещё в десятом классе, но работал достаточно обособленно, редко взаимодействуя с командой в качестве лидера. Ему всегда не хватало коммуникабельности. Будь он настоящим лидером, успех пришёл бы гораздо раньше. По крайней мере, он так думал, занимаясь самокопанием в минуты неудач.

– А вот и Георгий Маркович, – громко сказал ректор, указывая открытой ладонью на Георгия. – Извините, что побеспокоили вас в такую рань, но нас встревожил, если не сказать больше, вид за окном и, извините, отсутствие всякой связи с миром. У вас есть по этому поводу какие-то соображения? Мы уж и не знаем, что думать. Кажется, вчера вы проводили очередные испытания на своей установке... э-э времени. Уж не конец ли света наступил? – пытаюсь пошутить, возбужденно и с некоторой иронией в голосе задал вопрос ректор.

Георгий решительно подошёл к кафедре.

– Здравствуйтесь, коллеги. Насколько смогу, я попытаюсь прояснить ситуацию. Вчерашний запуск МВР, как мне показалось, закончился неутешительным провалом, и я был бесконечно разочарован. Но сегодня, в свете последних событий, моё мнение на предмет резко измени-

лось. У меня есть одно небольшое предположение... и подтвердиться оно сможет только когда туман хоть немного рассеется... Но нас не трясёт, не слышно характерных звуков рокота и гула. Это уже хорошо, – вторя ректору, попытался пошутить Георгий. – Извержение, стало быть, уже произошло, – продолжил он. – И вулкан, думаю... достаточно далеко. Судя по тому, что количество пепла в воздухе незначительное. Я бы сказал, остаточное... Я не вулканолог, но некоторые признаки распознать способен. Здесь поводов для волнения быть не должно...

Люди в аудитории стали перешептываться. Почему-то, несмотря на все слова утешения, они были не на шутку взбудоражены. Нарастал гул голосов, и Георгий даже слегка повысил голос. Он говорил медленно, с расстановкой, делая длинные многозначительные паузы и неловко перебирая руками какие-то бумаги, лежащие на кафедре.

– Пылевое облако может достигать сотни километров, и то, что мы видим за окном, катастрофой нам не угрожает, – убедительно делая акценты на словах, закончил свою мысль он.

– Мы понимаем чёткую логику ваших размышлений, Георгий Маркович, но в этой части света не осталось действующих вулканов, – нервно и уже не пытаясь шутить, бросил ему Вебер.

– Сейчас нет, а двадцать-тридцать тысяч лет назад были, – виновато улыбнувшись, сказал в ответ учёный.

– Нас в данный момент мало волнует то, что было двадцать тысяч лет назад. Нас волнует, что происходит сейчас здесь, за нашими окнами, – ректор указал перстом в сторону мутного пейзажа, расстилающегося за окном. Голос его на пару тонов повысился:

– Ведь кто-то должен ответить за это безобразие! – рявкнул он. Вебер в плохом настроении был крайне эмоционален и, как правило, нетактичен. А этим ранним утром о плохом настроении говорило всё: и резкий тон, и опухшие красные глаза, говорившие о мучительной бессоннице, и случайный выбор одежды. Обычно немец был крайне педантичен.

Присутствующие в зале замерли, глядя на Георгия во все глаза. Почти не дыша. Они, чувствуется, уже понимали, почему именно от Георгия Симонова требует ответа ректор и о чём пытается им сказать молодой учёный-экспериментатор.

– Я представлял себе, что наш научный центр организован с одной целью – изучение времени. Так? И с точки зрения физики, и с точки зрения истории развития человечества. Времени, которое представляет собой будущее, настоящее и, извините... прошлое. Именно с целью лучше изучить прошлое с помощью экскурса в него и была создана уникальная установка, над которой я уже много лет работаю...

– Да, да, да... но ближе к делу, ближе к делу? – проявлял нетерпение ректор, желая добиться ясного и исчерпывающего ответа.

– В результате вчерашнего эксперимента мы, вероятно, переместились во времени, – собравшись с духом, прямо заявил Георгий. – Во время проведения испытаний уровень электромагнитного поля сильно возрос. Оборудование сигнализировало об опасности, и я незамедлительно прервал эксперимент. Что послужило причиной такого всплеска, тогда я понять не мог. Но сейчас возможно предположить, что наш портал синхронизировался с некоей природной электромагнитной аномалией, имеющей место в прошлом Земли. Далеко в прошлом. И мы, попав в воронку времени, буквально провалились в него. Как глубоко ещё предстоит определить.

Мы переместились во времени, и приборы фиксируют на сегодняшний момент невероятную цифру ~20 000 лет до н. э. Пока даже сохраняется остаточный импульс, и портал всё ещё открыт. Это как раз то, о чём мы давно мечтали – удержаться в прошлом с открытым порталом. Но только вот мощности... м-м-м... у нас нет таких мощностей, которые позволили бы вернуться назад. Уровень электромагнитного поля снизился в несколько раз по сравнению со вчерашними показателями.

Ещё раз напомним: факт перемещения во времени, пока не рассеялся туман, подтвердить на все сто процентов не представляется возможным. На лицо отсутствие внешней сети Интер-

нет. Да даже простой телефонной связи с миром нет – вы правильно это заметили. Пройдясь по территории кампуса, я... не нашел контрольных пунктов времени. Это вынуждает сделать единственный вывод: мы переместились всем островом. Атлантида переместилась. Та площадь института, под которой тянется БАК, – закончил Георгий.

В наступившей тишине было слышно, как кто-то из женщин заплакал. Пожилая профессор Дафна обняла плачущую:

– Ну что вы, милочка. Не переживайте. Всё непременно наладится, – сказала она. Но эти слова неожиданно послужили толчком к всеобщей панике. Ещё одна из представительниц слабого пола истошно закричала, упав в обморок. Все повскакивали со своих мест, беспорядочно мечась в поисках выхода из Большого зала обсерватории так, словно начался пожар... Одни бились в истерике, другие приводили первых в сознание. Георгий остановил взгляд на Сидоне. Профессор с кафедры востоковедения бил по щекам обмякшую геологичку... От этой неожиданной сцены, чем-то напоминающей мыльную оперу, Георгию стало не по себе. По телу побежали мурашки, и, сжавшись, он опустил голову, глядя в пол, где долго рассматривал грязные от пепла остроносые ботинки. Их почистить он, вероятно, забыл. Коленки тряслись мелкой дрожью. Не то чтобы он паниковал, но, видимо, подвергся общему нервному настроению. Кроме того, было ещё что-то.

Глава вторая. Немного о мире

Остатки древней Атлантиды были найдены здесь в восьмидесятых годах двадцать первого века, когда заболоченный участок национального парка, плохо поддающийся изучению, попал в объятия засухи. Его давно мечтали изучить как следует, но болота не позволяли. Это место на карте долго находилось в центре догадок, домыслов и версий. И вот шанс, наконец, представился.

На территории парка начались масштабные археологические изыскания. А когда на поверхность всплыли первые артефакты, весь мир кинулся копать. Археологи со всего мира требовали разрешения на раскопки.

Кто-то, как Шлиман, хотел найти золото, кто-то славу, но большинство археологов искали легендарную Атлантиду, чтобы наконец-то поставить точку над «i». Официально обозначить место погребения этого богатого и могучего государства. Тогда был раскопан целый комплекс развалин, образующих собой город. Найдено множество артефактов, и мир возликовал: Атлантида найдена. Разгадана ещё одна загадка. Раскрыта ещё одна величайшая тайна человечества!

Но не прошло и двух столетий, как этот район снова оказался затоплен после глобального катаклизма, охватившего мир. Взорвался древний неисправный котёл, извержения которого боялись веками – Йеллоустонский вулкан. И об Атлантиде на время забыли. Значительная часть старого мира оказалась погребенной под толщей ила и океанской воды, исчезнув в одночасье, словно легендарная мифическая страна.

После катастрофы мир долго не мог прийти в себя. Трагедия практически полностью уничтожила прибрежные страны. Гигантская волна цунами смела с лица земли многие культурные и исторические объекты, памятники, предприятия, города и их жителей. Большие территории Европы, Америки и Азии представляли собой реликтовый мир первых дней творения: ил, глина и остатки растерянного, потрепанного бедствием человечества. Мир впал во тьму и хаос. Люди как будто снова окунулись в темноту Средневековья готовые на любую дикость.

В это время надеждой на спасение стали страны, занимающие центральные части континентов, высокие точки Земли, не затронутые катастрофой – евразийское пространство. Россия. Мир консолидировался, объединялся вокруг сильного ядра. Страны, обладающей всеми правами духовного центра. Только Россия, Россеюшка смогла приютить и утешить всех выживших в великой катастрофе. Все силы бросила она на спасение тех, кто ещё держался на поверхности бурлящих вод океана.

Остатки мирового человечества всерьёз задумались о том, что наконец, появился шанс пойти другим путём – не наращивать кибернетические мышцы, а развивать дремлющие в человеке магические силы – идеал утопий. Недостигаемые доныне мечты. Научиться читать мысли, передавать их на расстояния, воздействовать на психику силой мысли и ей же менять химический состав вещества...

– Но мечты, к моему глубокому сожалению, так и остались мечтами. Ленъ правит человеком. Чтобы встать с дивана и сделать зарядку, многим в пору становиться супергероями. Ха-х. В сражении с диваном, как правило, побеждает диван, – смеялся Всеволод Колесов, рассказывая студентам о прошлых временах. Ему часто задавали вопросы, совершенно не относящиеся к предмету. Будучи деканом на кафедре материаловедения, он считался большим гуманистом и философом. Студенты любили с ним поговорить на возвышенные темы. О прошлом, о будущем, о том, чего хочется, но никак не может быть.

– Неужели никто не хотел бы двигать предметы с помощью мысли – это же так прикольно! А главное, при этом можно даже не вставать с дивана! – удивлялись они.

– Можно, но сложно. Жевательные мышцы напрягать намного интереснее. И результат достигается моментально.

– Судя по материалам прессы тех лет. Как грибы после дождя появлялись всяческие духовные центры, белые братства и так далее. Люди всё-таки мечтали и старались...

– Старались заработать бабла. Девяноста девять процентов всех этих организаций были ничем иным, как разного толка сектами. Их учителя лишь обещали указать путь к просветлению, а в это время тянули бабки с прихожан, одурманивая и без того... А самое главное: технический прогресс был всё ещё необходим для восстановления затопленных городов и через сто лет после того, как отступила большая вода. Никто не собирался сдаваться. Потерять Европу со всеми её богатствами?

– А что плохого в технике и машинах? – не понимая пожал плечами рыжий парнишка.

– В том, что чем больше работают машины, тем меньше двигаются люди. И шевелятся мозги! Только последние сто лет, наконец, потихоньку стали приходить к осознанию, что человек деградировал дальше нельзя. Вы знаете, что многие классические гуманитарные науки вернулись к старым первоначальным доктринам?

– Например?

– Например, философия вернулась к старым идеям детерминизма. Демон Лапласа, слышали о таком? Лаплас говорил, что мир строго детерминирован. И если восстановить цепочку действий, можно протянуть нить сквозь прошлое в настоящее и будущее. Что будущее складывается из событий прошлого, и оно предопределено. Как бы не старался человек, он не в силах исправить ошибки, и последствия настигнут его неотвратимо. Это примерно то же самое, что и идеи кармического воздаяния в индийской философии. Индусы считали, что карма – последствия твоих дел. Она настигнет тебя неотвратимо, если не в этой жизни, то в будущей точно. Как в песне Высоцкого, был когда-то такой поэт:

Стремилась ввысь душа твоя —

Родишься вновь с мечтою,

Но если жил ты как свинья —

Останешься свиньёй...

– Поэтому-то от идеи предсказывать будущее не отказались, даже не смотря на полный провал в плане развития внутренних резервов человека и духовного роста. Все мы с детского сада учимся осознанности. Так? Учимся понимать себя, окружающий мир, чтобы не допустить грубых ошибок и не мучиться потом от страха наказания, боли предательства и так далее, и тому подобное. Ну, давайте не будем рассусоливать эту тему дальше. Продолжим занятие...

Результатом развития общества, хоть небольшого в плане его достижений, собственно и стало создание Института Времени. Мир всегда находился в поисках идеала общественного устройства, некоей утопии. И всегда символом утопии загоралась звезда платоновской Атлантиды. Так институт и получил своё рабочее название. А вот по поводу того, где Институт Времени с броским названием «Атлантида» должен находиться, вопросов не возникало. Несомненно, там, где Атлантиду всегда искали – на своей мифологической родине, в Атлантике, на краю Ойкумены Средиземноморского мира, за Геракловыми столбами в Испании...

Человечество оправилось после трагедии всего за двести с небольшим лет. А к моменту принятия решения о строительстве Института Времени его название, как никакое другое, прекрасно отражало весь смысл и функции этого учреждения: найти ответы на вопросы прошлого, решить проблемы с неточностью воспроизведения исторических фактов, дат, раскрыть все тайны, разгадать загадки человечества... дабы уменьшить количество спекуляций и восстановить справедливость.

Люди мечтали исправить ошибки, приведшие его к катастрофе, и найти верный путь будущего развития. Но человека зачастую трудно изменить и заставить мыслить рационально. Видимо, человек – создание само по себе иррациональное, потому что выбирает не то, что

лучше, а то, что легче. Не стремится через тернии к звёздам, а идёт проторенными путями, стараясь получить выгоду здесь и сейчас. Выбирает лёгкие пути.

Не удивительно, что идея создания машины времени в новом строящемся институте многим показалось откатом к прошлому. Мысль, всегда блуждающая в умах – изменить некоторые эпизоды истории, вместо того чтобы всеми силами созидать безупречное будущее – словно раз за разом наступать на старые грабли.

Глава третья. Планы и герои

Во время перемещения сквозь пространство и время Атлантида выстрелила, как пробка из бутылки, и приземлилась в доисторические времена с минимальным запасом для выживания, сохранив лишь свой костяк – остров, на котором высилось здание института. Уцелело и маленькое технологическое «солнце» – их стационарный источник энергии.

Туман начал рассеиваться только неделю спустя, а когда видимость достигла пятидесяти процентов, атлантйцы начали посылать дронов в разных направлениях от острова, чтобы получить полную картинку местности. Они уже увидели, что Атлантида, как и прежде, остров каменным фортом возвышалась из воды. Как и прежде, вокруг поблескивали зыбью волны залива. Но теперь это был одинокий остров – без корпусов, без стрел мостовых переходов, без фуникулеров.

Когда строили Атлантиду, вновь образовавшееся обширное внутреннее море на этом месте, осушили с помощью глубокого канала. В центре возвели искусственный остров с встроенной в фундамент многокилометровой спиралью ускорителя. Замысловатой россыпью расположили вокруг здания факультетов, лабораторий и общежитий для будущих сотрудников, и студентов.

Главный корпус эклектично сочетал в себе современные модные тенденции и отголоски древнеримской храмовой архитектуры. Слово яркие лучи, исходящие от солнца, тянулись от Атлантиды к корпусам стрелы мостовых переходов, и линии фуникулёров, сверкающие на тёплом южном солнце жёлтым металлом нового инновационного сплава. Сейчас всего этого не стало. Улетучилось, растаяло. Как тает на солнце первый снег. Атлантида, отрезанная от мира, одиноко смотрелась в этом первобытном «болоте времени», словно грибок детской песочницы посреди большой и пустынной, заросшей полынью и колючками площадки давно заброшенного людьми городка.

Виднеющееся вдалеке побережье не имело никаких признаков цивилизации: заросший кустарником каменистый берег, отороченный по краям розогом, с редкими проплешинами песчаных пляжей среди дикой первозданной природы.

Неделю, другую, третью атлантйцы проводили, изучая окружение острова, мониторя местность на многие километры вокруг. Сотый раз безуспешно трясли Георгия, требуя от него немедленно вернуть всё на круги своя. В прежнее, хоть с точки зрения науки, неудавшееся состояние. Притвориться, что эксперимент не удался. Старики хватались за сердце после каждого отчёта, мечтая только об одном – восстановить свой душевный покой. Молчуны стойчески сжимали губы. Пожалуй, только молодёжь, казалась, радуется приключениям. Остальных Георгий мысленно причислял к ворчунам.

Эти зануды озадачивались вопросом как выжить. Как выжить!? Словно ни еды, ни воды не найти на целом Иберийском полуострове. Это Георгия немного смешило, а порой раздражало. Он так старался. Так много работал. Положил на свои исследования целую жизнь! Не большую по меркам стариков, но жизнь!

Запасы продовольствия и воды в самом деле очень быстро иссякали, а кормить нужно было ни много ни мало, а почти пятьсот человек. Именно столько сотрудников находилось на тот момент в главном корпусе Института Времени. Кто-то проводил эксперименты, кто-то работал над кандидатской или докторской, отдыхая в комнатах для персонала. Здесь же находились профессорские квартиры. Одинокие, увлеченные своим делом энтузиасты от науки так вообще безвылазно пропадали в научных лабораториях. Жизнь и работа в эту ночь, когда эксперимент «успешно» провалился, просто кипела. Иначе не скажешь.

Георгий, в сотый раз проверяя расчёты, подозревал наихудшее: боялся, что они никогда уже не вернуться в своё время. Один шанс один на миллион всегда есть. Безусловно. Именно его милостью Атлантида попала в прошлое. Если бы не этот шанс...

– Ха-х. Хочешь или не хочешь, а придётся сменить орудия интеллектуалов на орала... набивать мозоли под горячим испанским солнцем. Если хочешь кушать, придётся превратиться из светочей в простых смертных и начать выращивать капусту, как некогда император Тиберий. Доставку готовой еды здесь, к сожалению, ещё не изобрели. Что ж, все когда-то возвращаются к земле. И даже заново изобретают велосипед, если нужно... Собственно, другого выхода, похоже, просто не существует, – мрачненько заметил Георгий, глядя в окно своей спальни, когда Вероника зашла в душ и уже не слышала окончания фразы.

Он надел белую рубашку, выходной костюм, почистил ботинки, на секунду замерев с обувной щёткой в руках: «Возможно, это последний раз? А какие ломки я испытывал, собираясь в магазин! Нее. Нужно было отказаться. Я потратил битые два часа, потя в примерочных кабинках супермаркетов!» С этой мыслью он улыбнулся, повернувшись в сторону ванной, и вышел. Только ради Вероники он пошёл тогда на этот подвиг. Георгий страсть как не любил походы по магазинам, но прежний его гардероб стал предательски мал, тогда как корреспонденты вылавливали его всё чаще. Мама чудесным образом угадывала и с размером, и фасоном. Открывая шкаф, Егор всегда находил, что надеть, и после переезда он долгое время не обновлял его содержимое, пока однажды не понял: он уже не тот юноша, что прежде: пиджаки и рубашки с трудом застёгиваются на груди, а штаны жмут неимоверно.

На заседании деканата Георгий Симонов выдал свой категорический вердикт:

– Я не могу назвать дату возвращения домой. Пока это невозможно. Нашей мощности недостаточно. Мало того – мы просто не рассчитывали на такие глобальные перемещения во времени и наша установка экспериментальная, её целью было только проверить возможность проникновения сквозь ткань времени, не более. Смелые эксперименты с электромагнитной аномалией, той, которая забросила нас сюда, могут закончиться трагедией. И я не рискну жизнями атлантйцев, снова используя этот источник. Боюсь, если нашей команде не удастся совершить технологический прорыв, а это дело не одного дня и даже ни одного года – мы можем остаться здесь навсегда. Особенно вдохновляет полное отсутствие доступа к технологиям и запчастям, – Георгий сделал паузу, чтобы выдохнуть и собраться с духом для последующих слов. – Хочу попросить у всех прощения. Я не предполагал, что такое возможно в принципе... это серьёзная ошибка проектировщиков. Моя огромная ошибка.

– Да. Мало сказать, как все мы шокированы... – тут же откликнулся профессор Клаус Густав Вебер, много лет возглавляющий факультет социально-политических наук. Он был не только теоретиком, но и практиком: два раза подряд его выбирали на пост мэра Нового Берлина, а после создания Института Времени научное сообщество предложило ему занять место ректора. Он считался опытным управленцем, но подобные задачи перед ним никогда не вставали – начинать всё с нуля.

– Именно этот ответ я ожидал, но так боялся услышать. Поэтому, коллеги, не будем сильно засиживаться, коли уж появился шанс не в теории, а на практике изучить прошлое со всеми его потрохами. У нас в повестке множество интереснейших вопросов. Давайте думать, как нам жить дальше в этой суровой реальности, где жестокосердные кроманьонцы доедают остатки менее агрессивных неандертальцев. Двадцать тысяч лет до нашей эры, говорите? Двадцать тысяч лет! Ух!

– Кафедра геологии и мониторинга окружающей среды, вам слово, Елизавета Викторовна! – представил докладчика зам. ректора Соколов, поднявшись с места. – Далее в соответствии с повесткой.

Молодая женщина в строгом платье с брошью в виде веточки сосны элегантно выставила ножки из-за стола и поднявшись подошла к кафедре:

– Мы находимся посреди большого болота. Судя по всему, данная территория, как и предполагалось ранее, ещё на стадии проектирования Атлантиды, периодически, из тысячелетия в тысячелетие, затопляется, превращаясь во внутреннее море. Атлантида приземлилась в ту же самую географическую точку, где и была расположена в наше время, лишь преодолев пространственно-временной континуум. Судя по всему, основанием для острова, так сказать, фундаментом, стала гигантская кальдера потухшего вулкана. Об этом свидетельствуют островные образования вулканического типа, короной расположенные вокруг. Острова сформировались давно. Судя по фотоснимкам, на них присутствует приличный почвенно-растительный слой, и они вполне пригодны для ведения сельского хозяйства. Что касается руды, необходимой нам в будущем для строительства и бытового применения, то мы подняли старые карты месторождений Испании и Португалии – проблем с добычей металлов не будет. В этот исторический период они, слава Богу, ещё не истощены. С пресной водой также «ноу проблем». По всей площади болота бьют ключи. Вода в нём пресная. Можно ставить фильтры, можно бурить скважины на воду и тогда мы будем обеспечены чистой артезианской водой постоянно, подключив её к нашей системе водопровода. Для строительства водопровода можно воспользоваться опытом древнего мира, – уже, казалось бы, закончив отчёт с огоньком добавила Елизавета. – В частности Римской империи. Там строили акведуки для поставки воды в городской водопровод. В Египте, помнится, шили трубопроводы из кож животных, а в Китае трубы делали из полых трубок бамбука...

– Думаю, мы не настолько беспомощны, чтобы вытачивать трубы из дерева. Зам. по хозяйственной части, что у нас с оборудованием, металлом, с машинами? – вмешался ректор, уточняя активы.

Абрахам, крупный мужчина с копной седых кудрявых волос, заговорил сотрясая аудиторию своим громовым голосом. Даже стулья слегка завибрировали...

– Из машин у нас только небольшой парк легкомоторной техники. В гараже стоит с десяток апперов, шесть экзоскелетов, которые мы получили совсем недавно и ещё не распаковали, три автомобиля 4/4, один грузовичок и два десятка курьерских мотоциклов для доставки почты в корпуса. У меня на складе много чего есть, – ухмыльнулся он. – Трубы-то уж точно. Могу документики поднять... и всё такое. Как говорится: строгий учет и контроль. Оборудование в институт поступает регулярно. Кто-то, кто заказывал по необходимости, свои вещи забирает сразу. А вот те, кто по прихоти... Кроме того, в доке стоит наш презентационный галеон. Вот, пожалуй, и всё. Да, в доке мы обнаружили несколько катушек металлического троса и другой железный хлам, вполне пригодный для переплавки. Трос может сгодиться для постройки понтонного моста или парома на тот берег, – подмигнул Абрахам и по-пиратски лихо улынулся.

– Неплохо, неплохо. Плохо, что у нас нет серьезной тяжелой техники. Двигатели от транспорта можно использовать для работы насосов. А вот для чего нам галеон, коли мы сидим на болоте? – усмехнулся ректор без малейшей доли иронии.

– Что вы! Галеон укомплектован разного рода аппаратурой. Огромное машинное отделение... не говоря о том, что на борту много другой плавтехники, в том числе моторные лодки. Более пятидесяти акустических платформ. На лодках по протокам вполне возможно добраться до берега. В галеоне приличный запас топлива. Это же не какой-то допотопный Ноев ковчег. Из того оборудования, что у нас имеется, мы можем собрать дополнительно тех же акустических платформ не менее пятнадцати штук. Аудиторная мебель может послужить источником металла и пластика. Те же трубы... на двадцатом этаже нам они зачем? – вдохновенно продолжал Абрахам.

Ректор прокашлялся и прервал его:

– Спасибо, Абрахам. Что с охотниками, удалось создать команду? Добровольцы есть?.. – угрюмо начал он и вдруг неожиданно замолк, несколько выпав из реальности. А после минутного молчания заговорил больше сам с собой:

–...Нам нужен более детальный план развития. На пятилетку, десятилетку, двадцатилетку... в конце концов. Полный каталог оборудования. Если мы поспешим разорять галеон и ломать аудиторную мебель... – он вскинул голову с широко открытыми глазами и уставился на членов совета с немым знаком вопроса во взгляде.

– Нам удалось собрать команду из десяти охотников на первое время. После будет гораздо больше. Главное понять, сколько охотников в принципе необходимо... Сейчас перед нами стоит вопрос, чем их вооружить. Вот когда всё будет готово... – начал Абрахам.

– Что за вооружение? Видимо, и владеть этим вооружением нужно ещё научиться, чтоб не перестрелять друг дружку? – оживился Вебер.

– Сейчас мы занимаемся производством арбалетов. Это самое простое и эффективное оружие для охоты. Да и многие из охотников стрелять из арбалета уже умеют. Практически все выбранные мной люди занимались многоборьем. Спортсмены, так сказать. Стрелковая подготовка была одним из условий для отбора. Колесов предложил сделать что-то вроде копья с электрошоковым наконечником, как оружие экстренного взаимодействия, скорее для защиты, чем для нападения...

– Так-так интересно...

–...Такое оружие не убьёт животное, но на время выведет его из строя. Раненый зверь, как правило, продолжает атаковать, и это может быть опасным. А после удара электрошоком будет, как шанс для выживания охотнику, так и время нанести решающий смертельный удар.

– Согласен. Займитесь таким оружием незамедлительно, – живо отреагировал ректор.

– Нужно найти материал для изготовления арканов и сетей. Придётся что-нибудь распусть... – продолжил Абрахам.

– Я считаю необходимым подготовить клетки для птицы. Птицу лучше выращивать, нежели на неё охотиться. Местность просто изобилует разного вида уткой, цесаркой и куропатками. Я уже осмотрела немного береговую линию в телескоп. Первое время, конечно, охота, а после лучше разводить птиц на ферме, – предложила высокая смуглая красавица, заведующая кафедрой древних языков Нефер Тарик.

– Ты права, Нефер. Мы уже готовим группу для среза ивового прута, из которого в старину наши предки плели клетки и корзины. Думаю, это нехитрое дело... – добавил находчивый завхоз.

– Хорошо галку поставил. Хоть курочек у нас в перспективе будет вдоволь. На галеоне помнится была противоакуля сетка для купания в открытом море? Разве нет? Обязательно обратите на неё внимание. Так, так, дальше... – Вебер пробежал глазами по бумагам.

Большое количество мелких вопросов стояло на повестке дня и все вопросы приходилось решать непосредственно верхушкой управленческой команды. Пока всё тем же составом ректората. Чтобы картина жизни стала ясной и прозрачной, а решения комплексные и быстрые. О смене руководства не могло быть и речи. Пока не могло. Ректор, склонив голову, набрасывал в блокноте задачи:

– Абрахам, вам стоит набрать себе команду. Определитесь с направлениями и подумайте, сколько человек понадобится в помощь. На вас, наверное, впервые свалилось столько забот одновременно: можете и не выдержать нагрузки.

– Вы уверены, господин ректор, что все вопросы должен решать завхоз? Не проще ли главам подразделений вменить другие обязанности? Свои им теперь выполнять нет никакого смысла! – предложил Георгий.

– А, собственно, кто из руководителей у нас остался? Я вижу здесь немногих! Елизавета Кусаинова – декан геологического, Антоний Фасулаки с исторического; Нефер Тарик с

кафедры древних языков; Колесов, с материаловедения. Господин Сидон... Ну и всё, пожалуй. Причём не все руководители даже первого звена. Ах, Симонов, вас забыл, – обернувшись на Георгия, загнул последний палец ректор.

– Я, увы, ничем не смогу помочь, – тут же ретировался Георгий.

– Вам, Георгий Маркович, на тысячу лет вперёд дорога на поверхность заказана, – посмеялся завхоз.

– Ну, тысячи лет у нас не будет. От силы десять: поднапрягитесь, Симонов, – уже серьёзно посмотрел на него ректор.

– А для меня и десять лет – уже вечность, – расстроено заохал низенький профессор Фасулаки. Этому мудрому греку было уже за шестьдесят.

– Давайте же оптимистично смотреть в будущее. Мы всё-таки свет нации. Каждый своей, конечно. Но свет! Справимся! – сказал ректор, встав, и оптимистично, по-дружески похлопал Фасулаки по плечу.

– Пожалуйста, Абрахам, на следующую планерку набросайте новую структуру своего подразделения и подберите кандидатуры на возможные руководящие посты. С этим, конечно, ещё будет время определиться... время... да. У нас его предостаточно... – многозначительно глядя на Симонова, сказал ректор.

Глава четвертая. Он и Вероника

За эти пару недель, пока определялась судьба Атлантиды, люди успели немного прийти в себя, чтобы хоть как-то, хоть символически подумать о своем ближайшем будущем.

В первую очередь инвентаризировали всё имущество, движимое и недвижимое. Каждый винтик, каждую упаковку печенья, каждый кусок ткани – всё, что можно учести. Абрахам тут же прибрал к рукам столовую и буфет, повесив на двери старинные навесные замки. Завхоз был тот ещё плут, и к ректору повалил народ с жалобами на хитрого еврея. Остатки припасов были их маленьким богатством в мире, где нет ничего, кроме в страхе добытой на полуострове пищи – там, где носятся дикие кабаны, саблезубые тигры, огромные мамонты и Бог знает кто ещё, такой же дикий и не менее опасный. Да, встретить своего первобытного предка тоже не предвещало ничего, кроме неприятностей.

Возвращаться назад в будущее, конечно, планировали, но эти планы стали сейчас такими же далекими, как некогда путешествие в прошлое. Георгий проводил на установке практически всё время. Он не показывался «из-под земли» ни днём, не ночью, тщетно пытаясь повернуть время вспять. Он не мог спокойно быть на людях после такого сокрушительного провала. И не только потому, что его эксперименты вышли из-под контроля, и он потерпел неудачу: для учёного это не повод отчаиваться, а только толчок к более глубоким исследованиям. Было другое, сверх его понимания: коллеги смотрели на него косо. Порой раздражались и даже проявляли открытую враждебность. Он не мог даже вообразить себе причину, но однажды, вернувшись домой поздно вечером, застал в кровати рыдающую Веронику. Неожиданно узрев истоки этой людской враждебности...

Он и Вероника не так давно начали жить вместе. Через неделю планировали отметить годовщину. А знакомы были, уже довольно долго.

Вероника пришла в Институт Времени два года назад, и её назначили к нему в лабораторию. Женщина показывала прекрасные знания и навыки, вела себя скромно, ни с кем не вступая в близкие дружеские отношения. Лишь спустя год, по чистой случайности Георгий смог узнать её немного ближе.

Он выбрался в выходной день в зоопарк. Ему нравилось проводить там свободное время: наблюдать за природой и животными, бродить по лесным дорожкам, медитировать, проплывая над парком на сидении фуникулёра. Такое расслабленно-созерцательное состояние было для него самым лучшим отдыхом.

Там-то он и встретил Веронику с дочкой и матерью. Тёмно-русые выющиеся волосы, собранные в пучок на работе, сейчас крутыми волнами опускались на плечи. Синие глаза светились радостью, а улыбка была более очаровательной и открытой в кругу близких людей. Передние зубы слегка выдавались, брови игриво приподняты над переносицей и придавали лицу удивлённо-наивное выражение. Девочке, рядом с ней навскидку было около пяти лет и внешне она напоминала Веронику в детстве, тогда как пожилая женщина, наоборот, в старости. Перед ним стояло сразу три поколения похожих друг на друга, как две капли воды родных человека.

Коллеги поприветствовали друг друга, и каждый пошёл в свою сторону. А на следующий день на работе Георгий, плохо ладивший с женщинами, зацепился за этот случай, чтобы завязать с Вероникой разговор. Так они и подружились. Для Георгия оказалось полной неожиданностью то, что они вместе учились в университете на одном потоке и даже встречались!

– Правда, только однажды. Ты серьёзно не помнишь? – скромно и немного смущенно поинтересовалась Вероника тогда.

– Ну, как тебе сказать... друзья меня постоянно с кем-то сводили... Меня тогда девушки не особо-то интересовали. На первом месте у меня была наука и на втором наука, а третьи

места были не интересны самим девушкам, – он смущенно засмеялся. – Поэтому они бросали меня если не после первого, так после второго свидания, если я не забывал на него прийти. Н-да, – снова засмеялся он.

Сейчас, вспоминая тот разговор, Георгий понял, как незаметно, словно песок сквозь пальцы, утекло время после института. И одной науки для полноты жизни стало мало. Нужно было ещё что-то: тепло, поддержка близкого человека, любовь, наконец! Тогда и появилась в его жизни Вероника. Они сдружились. Их отношения не закончились завтра, через месяц, а длились и длились, не смотря ни на что. Казалось, Георгий не прилагал, как и прежде, никаких усилий для их сохранения, но, тем не менее, всё шло как по маслу, как по-написанному.

Спустя полгода Георгий стал частым гостем у неё дома и проводили вместе почти все выходные. Ему было уютно в семье Вероники, в компании с пятилетней Лизой. Он даже нашёл точку контакта с этой маленькой курносой проницательницей.

Сейчас, совершив прыжок во времени, он не успел ощутить то, что чувствовали другие. Но, войдя в спальню и услышав глухие рыдания Вероники, он вспомнил в первую очередь про Лизу. В эти выходные они собирались за город, пожить дикарями на берегу моря пару дней и так отпраздновать свою годовщину. Он обещал Лизке поучить её плавать. Она страшно боялась воды, поэтому до сих пор не плавала без поддержки спасательных средств.

Он вспомнил, с каким трудом девочка доверилась его сильным рукам, которые поднимали её высоко и кружили над головами мамы и бабушки, вызывая бешеный восторг: «Мама, мама, смотли! Я маленькая птичка волёбушек», – восторженно сообщала Лизка и верещала: «Чилик. чили, чилик». А Вероника смотрела на них и счастливо улыбалась.

«Да. Так и было. Словно это судьба свела нас раз и навсегда», – думал Георгий, глядя на любимую женщину.

Сейчас он не знал, что сказать, как утешить хрупкую, уязвимую в чувствах женщину, рыдающую в подушку здесь, за тысячи лет от своей дочурки. Он подошёл, молча лег рядом, погладил её по голове, обнял, прижал её всю к себе, целуя влажное, солёное от слёз лицо. Ласкал и снова гладил, стараясь отдать ей всю накопившуюся в нём нежность, чтобы хоть как-то утешить, смягчить материнское горе.

А что мог ещё сделать для неё он, навсегда разлучивший мать и ребёнка? Многие в Атлантиде чувствовали сейчас то же самое, оставив в будущем своих детей, родителей, женихов и невест. Кто утешит их? И в этом виноват не кто иной, как он, Георгий, с его глобальными экспериментами, бешеными амбициями. Никто не предупреждал их, что может произойти нечто подобное. Что Атлантида, опутанная километрами проводов и тоннелей, может переместиться во времени вот так, как цельный единый организм. Что путешествия во времени опасны, и путешественники могут навсегда остаться в прошлом. Они могут лишиться тех, кого любят!

«Почему же я не чувствую ничего подобного? Я ж не сирота. У меня тоже где-то живёт пожилая мать? Сколько лет мы уже не виделись?» – задумался Георгий, и воспоминания захлестнули его, наполнив грудь болью. Ему стало трудно дышать, и он постарался избавиться от них: «Что толку сейчас терзаться? Нужно жить. Я пока не стар и могу ещё всё исправить».

Груз ответственности за чужие раненые души лёг на его плечи и давил, гнётом прижимая к земле. Он не мог думать ни о чём другом. Чувство вины захлестывало его горячей волной. Уснул он лишь под утро в сумятице своих больных, спутанных мыслей.

Георгий проснулся внезапно, открыл глаза и увидел, что Вероника уже не спит. Она лежала и смотрела в его лицо. Он снова обнял её. А она внезапно и с обидой в голосе произнесла, открывая тайну, которую хранила долгих пять лет:

– Ты должен узнать. Лиза ведь твоя дочь, твоя родная дочь, – в слезах заявила она.

Георгий отстранился от Вероники в удивлении. И в горле его застрял ком.

– Помнишь наш выпускной? Я решила тогда, что смогу тебя удержать, заинтересовать... Я ушла утром... ты спал ещё, мне было стыдно за мою глупость. Неудобно, что ты проснешься, а я тут. Ну а на следующий день ты делал вид, что ничего не произошло. Или произошло обыденное, ничего для тебя не значащее событие. Мне было так горько и стыдно... Ты даже меня не замечал! – снова зарыдала она.

– Но я ничего не помню, – растерянно пробормотал он. – Безмозглый болван. Что-то и впрямь произошло... это правда? – Георгий был поражен. – Все были пьяны тогда и возбуждены праздником, видимо... – попытался оправдаться мужчина, но замялся, – Я... прости меня. Прости!

– Молчи. Пожалуйста, просто молчи. Мне было так стыдно, очень стыдно! Я не стала навязываться, объяснять. Объясняться вообще казалось нелепым. Я просто старалась не появляться у тебя перед глазами. А потом, потом появилась Лизка. Два года назад я всё-таки решила найти тебя и всё рассказать. Ведь ты должен знать... что где-то у тебя есть дочь. Про то, что я люблю тебя!

У Георгия в глазах стояли слёзы, ему трудно было подобрать правильные слова, он боялся сказать не то, обидеть. Мысли его путались. Осознанность? Сколько человечеству нужно времени, чтоб научиться этой осознанности? Контролировать действия и мысли, думать о последствиях, сколько? И возможно ли это вообще? Ошибки, глупое бессознательное поведение – вот злой рок, преследующий слабую, неопытную душу, которая определяет, что хорошо, что плохо на уровне «горячо-холодно», «хочу не хочу». И последствия представляются в мечтах и желаниях весьма далеких от реальности...

– Тебе столько пришлось пережить... Вот я идиот! Полный идиот.

– В конце-концов, я поняла, что ты так со мной не со зла и простила. Но теперь я потеряла Лизку! – она подняла на него полные слёз глаза и снова зарыдала.

Три дня Георгий не отходил от Вероники ни на шаг. Загружал всевозможной работой, глупо шутил, заваривал ей крепкий ароматный чай с испанскими луговыми травами, чего никогда не делал раньше. С утра озадачивался вместо неё, что надеть, доставая из гардероба нелепые цветастые сарафаны, которые она постоянно покупала, а потом не носила. А она сердилась и раздражалась. Как, например, этим утром:

– Прекрати. Что за бред! Я сама найду что одеть! На работу такое не носят! – широко раскрыв глаза, пищала она от возмущения.

– Посмотри, а вот этот милый сарафанчик в пол с восхитительными маками?

– Хочешь превратить меня в ледяную статую?

– Почему же выглядит вполне по-летнему?

– В нашем холодном подземелье только сарафаны и носить! – по-детски рассердилась Вероника.

– Сегодня прекрасный жаркий день намечается. И ты пойдешь сажать лук! Все женщины с этой недели задействованы на посадках. Очень люблю нежные зелёные перышки лука. Позаботься обо мне, – Георгий поцеловал жену в лоб. – А я сегодня выпросил командировку, – уговорил Стрижевского и Колесова взять меня на охоту. Так что сегодня погреемся на солнышке!

– А! Будь осторожен! Что тебе в голову такое взбрело? Команда охотников сформирована, и тебе совсем не нужно рисковать собой! – испугалась Вероника.

– Я же мужчина, а мужчина должен приносить добычу в дом! Да и отвлечься немного хочу. Посмотреть на мир, на природу вокруг. На живую природу! Тошнит уже от этого техногенного подземелья.

Вероника подошла поцеловать его. Тёплая, ещё не одетая после сна, она вызвала в нём волну нежных эмоций, жаром прокатившихся от макушки до пят. И Георгий, не выдержав натиска гормонов, выплеснул всю свою страсть в ответном поцелуе.

Сегодня они слегка задержались дома. Эти новые условия существования подняли их отношения на какой-то иной уровень: более глубокий, более чувственный, проникновенный. Георгий испытывал острый прилив любви с лёгкой горчинкой, замешанной на угрызениях совести. Он не просто любил, а любил как-то особенно самоотверженно, на износ. Отдавая себя в жертву искупления.

Эта любовь окрыляла и тяготила, наполняла новыми силами и вновь полностью истощала его жизненный родник. Он не привык отдавать столько. Вернее, он никогда не отдавал, а только делился, взаимно обогащаясь. Его собственный источник энергии был не настолько мощный, чтобы щедро отдавать. Его кредо – независимость и стабильность. Так сложилось исторически. Может, в этом была виновата мама? Она старалась для него и никогда не требовала ничего взамен. А он... принимал её заботы как должное. Она – мать. Матери свойственно отдавать ребёнку последнее...

Сейчас его самосознание претерпевало болезненную трансформацию, и он не мог сказать, как долго сможет продержаться в таком режиме, потому-то и решился на вылазку в дикие иберийские леса. Эмоционально подзарядится. Сбросить накопившееся напряжение.

Глава пятая. Охотники

Георгий оделся, как можно плотнее несмотря на дневную жару, по-походному, в памяти всплывали мухи це-це, неведомые сколопендры, и другие опасные долгоносики. Спустившись в док к стоящему на приколе галеону, он заметил, что вся команда уже в сборе. Охотники и правда собрались красивые и подтянутые, под стать мускулистым фигурам на древних греческих амфорах. Георгий не раз встречал многих из присутствующих в спортзалах и на крупных университетских состязаниях.

Симонов немножко завидовал. Иногда ему страсть как хотелось поучаствовать в спортивных мероприятиях, но он никогда не находил времени на спорт. Даже когда руководство давило морально. Ведь «спорт способствует укреплению духу коллективизма и всестороннему развитию современного молодого учёного». Как другие могли успевать всё он просто не представлял. Иногда брался анализировать особо успешных коллег, и потом понял, что небольшая картотечка в голове совсем не является лишней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.